

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СЦЕНЫ ИЗЪ РИМСКАГО БЫТА,

Г. П. Данилевскаго.

КАЙ ВАЛЕРІЙ КАТУЛЛЪ, любимый римскій поэтъ, время Юлія Цезаря.

ЛЕЗБІЯ, сирота, гречанка съ острова Лезбоса, призрѣнная Катулломъ.

ЛИЗИППЪ, греческій продавецъ фигъ, любитель литературы и искусствъ, прибывшій съ своимъ кораблемъ въ Римъ.

СКАВРЪ, римскій купецъ, также любитель литературы и самъ втихомолку пописующій стихи.

АГЕНОВАРЪ—РОМУЛЪ—ПАНДОРА, казначей диктатора, скряга, замѣченный не совсемъ въ чистыхъ поступкахъ, влюбленный въ Лезбію.

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМЪ, начальникъ рабовъ и кухнн.

ДВА РАБА.

НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРСКОЙ ГВАРДІИ.

ЦВІДЫ, ЛИКТОРЫ И СЛУГИ.

Дѣйствіе происходитъ на загородной виллѣ, въ виду Рима, за 65 лѣтъ до Р. X.

Театръ представляетъ садъ, въ глубинѣ котораго, между виноградныхъ листьевъ и навѣса изъ плюща, лавровъ и акацій, декорація Рима, освѣщенная лучами вечерней зари. Вправо — уголь мраморнаго портика, на террасѣ котораго стоятъ вазы съ кактусомъ, плющемъ и тысячелистниникомъ. Влѣво — у подножія остроконечной скалы, подъ вѣтвями деревъ, скамья для возлежанія, и столъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДВА РАБА и ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМЪ. Рабы накрываютъ столъ.

ЭКОНОМЪ.

Готовы-ль фрукты, устрицы и вина ?

1-Й РАБЪ.

Готовы.

ЭКОНОМЪ.

Не спѣшите за работой.

Еще свѣтло! Катудлъ пошелъ ловить
Мурепъ къ Агриппѣ, да увидѣлъ въ полѣ
Албанскихъ жницъ, забылся, легъ къ пригорку,
И все глядитъ на загорѣлыхъ жницъ!
Пока ослы притащутъ по утесамъ
Гостей изъ Рима, мы накроемъ столъ
И приведемъ пѣвицъ транстевернскихъ.

2-Й РАБЪ.

А слышалъ ты, сосѣди говорятъ,
Что этотъ пиръ едва-ли повторится !

ЭКОНОМЪ.

Не разсуждай! Приказано, работай,
А то, какъ разъ вороны унесутъ
Изъ рукъ тарелки !

Излищная Словесность

1-Й РАБЪ.

Кто-же званъ на ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Богатые купцы.

2-Й РАБЪ.

А небогатымъ

Катуллъ забылъ отправить приглашенья?

ЭКОНОМЪ.

Эй, замолчи! По римской поговоркѣ,
Скорѣй въ гробу чихнетъ мертвецъ,
Чѣмъ скажетъ умное глупецъ!

2-Й РАБЪ.

Ну, а каковъ сегодня будетъ ужинъ?
Насъ не пускаютъ въ кухню повара —
Остается-ль и намъ перекусить
Съ тобой сегодня?—

ЭКОНОМЪ.

Рано на зарѣ

Катуллъ свои мнѣ отдалъ приказанья.
Ступай на кухню, говоришь, скорѣй,
Вверхъ дномъ поставь и домъ и погреба,
Печь раскали, замучай поваренковъ,
И приготовь мнѣ ужинъ повкуснѣй,
Да не простой, диктаторскій, волшебный!
Возьми, сказалъ, завѣтный мой мѣшокъ —
Въ немъ пауки еще не завелись
И мышь съ своимъ гнѣздомъ не поселилась!
Все золото его снеси на торгъ,
Скупи припасовъ и найми цѣвиць!
На ужинъ сдѣлай бѣлую похлебку
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ.
Въ винѣ свари тарентскую мурену,
Живую брось въ кристальный кипятокъ,
Чтобъ долѣе плескалася въ кострюлѣ
И вмѣсто ложки свой отваръ мѣшала!
Чтобъ устрицы къ закускѣ подавались

Не наши, римскія, полуживыя,
 А устрицы пиценскія, такія,
 Чтобъ двигались, урчали и пищали,
 Какъ станемъ мы глотать ихъ, запивая
 Изъ раковинъ лимонною водой!
 Въ саду нарѣзать гроздїи винограда,
 Прозрачнаго, какъ золотой янтарь,
 И иѣжнаго, какъ грезы лѣтней ночи....

1-Й РАБЪ.

Шутникъ!

ЭКОНОМЪ.

Не смѣйся, — это рѣчь Катулла!
 Подай, сказалъ онъ, наконецъ, всѣхъ винъ,
 Безъ примѣси, какъ Римъ безсмертный, старыхъ,
 Какъ горный медъ густыхъ и благовонныхъ!
 Да тутъ-же помѣсти застольный черепъ,
 Какъ слѣдуетъ, какъ завѣщали предки —
 Чтобъ жизни пиръ неслишкомъ заносился
 И вѣчно помнилъ близкій свой конецъ,
 Приходъ расправы неодолимой смерти!
 Готовъ-ли черепъ?

2-Й РАБЪ.

Вонъ, стоитъ, на мѣстѣ...

1-Й РАБЪ.

А много-ли гостей къ Катулле будетъ?

ЭКОНОМЪ.

Э, въ томъ-то, другъ, и дѣло: самъ я съ этимъ
 Вопросомъ поутру къ нему подъѣхалъ,
 А онъ нахмурилъ брови и замѣтилъ:
 Когда-то въ часъ веселія Лукуллъ,
 Гоня повара, сказалъ съ досадой —
 «Ты думаешь, что если я одинъ
 Обѣдаю, такъ въ роскоши нѣтъ нужды;
 Не уминчай! готовъ обѣдъ на сотню;
 Сегодня пиръ роскошнѣй всѣхъ пировъ —
 Лукуллъ обѣдать будетъ у Лукулла!»
 Тебѣ скажу я, другъ мой, тоже: нынче

Катуллъ на ужинъ явится къ Катулле,
И потому въ расчеты не пускайся!»
Да вотъ и онъ! Ступайте за цвѣтами!

(Рабы уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КАТУЛЪ и вскорѣ ЛЕЗБІЯ.

КАТУЛЪ (эконому).

Ну что, счастливо-ль удался нашъ ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Отлично!

КАТУЛЪ.

Позаботься-жь на досугѣ
Убрать получше блюда и вино!

(Экономъ, кланяясь, уходитъ).

КАТУЛЪ (смотритъ на Римъ и на по-
ля, тонущія въ туманъ).

Привѣтствую тебя въ послѣдній разъ,
Катуллова блистательная слава!
Отпировала ты свой праздникъ шумный,
Отпировала пышно и безумно!
Какъ молодость, какъ сонъ ты пронеслась...
И дней блаженства чаша золотая,
Не падаетъ изъ рукъ недопитая!
Угасшій мигъ, разбитыя мечты —
Веселая, плѣнительная прихоть!
Я посвятилъ собраніе стиховъ
Богатому и пылкому ребенку,
Безусому Агриппѣ, запѣвалъ
Всѣхъ шалуновъ, гулякъ и скомороховъ,
Агриппа мнѣ прислалъ мѣшокъ червонцевъ,
Пустилъ меня въ свой виноградный садъ,
И бросилъ я столицы шумной адъ,
Мѣшокъ на плечи, съ Лезбіей пустился
Пѣшкомъ въ дорогу пыльную, пришелъ
Въ волшебный край, въ душистый, темный садикъ,

Съ фонтанами, утесами, съ толпой
Рабовъ, рабынь; подъ тѣнью плющевой,
Нашель цвѣты и мраморную ванну!
Я высыпаль завѣтный свой мѣшокъ,
И сталъ искать въ душѣ своей желаній. —
Восемнадцать дней промчалось въ довольствѣ,
Восемнадцать упонительныхъ вѣковъ
Роскошною мечтою пролетѣли!
Въ послѣдній разъ я горсть червоцевъ бросаю,
Какъ стая птицъ, въ послѣдй разъ желанья
На эту горсть, порхая, опустились
И по зерну клюютъ минуты счастья....
Угаснетъ день, промчится свѣтлый пиръ,
И снова насъ суровый встрѣтитъ мйръ!
Опять пойдемъ мы съ Лезбій отсюда,
Одѣнемся въ тряпье, возьмемъ по палкѣ
И станемъ вновь блуждать по перекресткамъ,
Блуждать, мечтать, мечтать и голодать!
Темнѣй же день, вставай волшебный сумракъ
И споръ съ весельемъ дорогая дружба,
Пока не пусть заманчивый мѣшокъ!
Вчера подъ вечеръ, между темныхъ лавровъ,
Въ задумчивой прогулкѣ по скаламъ,
Склонивъ на грудь роскошную головку
И уронивъ сверкающіе локти
Вдоль туники, въ душевной лихорадкѣ,
О женихѣ далекомъ помышляя,
Моя сиротка лепетала вслухъ,
Меня въ тѣни деревъ не замѣчая:
«Нѣтъ, нѣтъ, Катуллъ, тебя я не покину,
Ты Лезбій въ замужство не отдашь, —
Клянусь душой любить тебя, какъ солнце
Въ твоихъ стихахъ душистыхъ любить розы,
И, еслибъ самъ Юпитеръ предложилъ
Мнѣ золото Данаи за мгновенье
Моей любви, за пару поцѣлуевъ —
Я отказала бъ смѣло громовержду!»
Быть-можетъ такъ, быть-можетъ и не лгали
Невинныя уста.... Какъ знать и какъ судить!
Я не могу, не смѣю вѣрить сердцу,

Мое добро я дѣлалъ безкорыстно
 И не отдамъся въ сладостный обманъ!
 То, въ чемъ клянется женщина мужчино,
 Написано ребенкомъ на песокъ
 И на волнѣ написано воздушной!
 Подуетъ вѣтеръ—улетитъ песокъ,
 Волна волною смѣнится, и клятвы
 Умчатъ съ собой роскошныя мечты,
 Недолгое блаженство красоты!

(Лезбія выходитъ изъ-за колоннъ портика).

ЛЕЗБИЯ.

Ты звалъ меня?

КАТУЛЛЪ.

Нѣтъ, я тебя не звалъ.

ЛЕЗБИЯ.

Такъ я уйду.... *(Останавливается)*. Ты обо мнѣ не думалъ?

КАТУЛЛЪ.

Не думалъ....

ЛЕЗБИЯ.

Такъ о комъ же думалъ ты?

КАТУЛЛЪ.

Какъ ты мила сегодня! Нарядилась
 Въ отборныя и дорогія платья...

ЛЕЗБИЯ.

Послушай! Мнѣ сосѣдка говорила,
 Что въ Римѣ, возлѣ югуртинскихъ бань,
 Заѣзжій Галль или Еврей, не знаю,
 Составъ одинъ безцѣнный продаетъ;
 Отъ этого состава голубыми
 Становятся глаза у черноокихъ.

КАТУЛЛЪ.

Не вѣрь сосѣдкѣ!

ЛЕЗБИЯ.

Отчего не вѣрить?

Такая скука, право... Цѣлый день
 Гуляешь все, да примѣряешь платья;
 И въ воздухѣ такъ тихо и тепло,
 Кругомъ цвѣты, фонтаны и утесы —
 Одно и то же, — зеркало возьмешь
 И въ зеркалѣ все старое, какъ прежде —
 Одни и тѣ же черные глаза!
 Такая скука!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ жъ совсѣмъ нескучно!

ЛЕЗБІЯ.

Еще бы, цѣлый день писать стихи,
 И что нашелъ ты въ этихъ скучныхъ строчкахъ!

КАТУЛЛЪ.

А, ты хитришь! — не ты-ль вчера твердила,
 Весь день, мой послѣдніе стихи?

ЛЕЗБІЯ.

Да! да! Я буду вѣчно ихъ твердить!
 На зло тебѣ ихъ продиктую вѣтру,
 А тотъ расскажетъ ихъ торговкамъ римскимъ!
 На зло тебѣ сороку научу
 Твердить твои стихи ежеминутно...
 Сорока и посланье, вотъ забавно!...

(Катуллъ ее не слушаетъ).

Катуллъ! поѣдемъ въ Римъ.... Ты измѣнился,
 Ты отъ богатства сталъ совсѣмъ иной!
 Брось эту виллу, здѣсь всего такъ много,
 Такая роскошь, скука, — въ Римѣ лучше.

КАТУЛЛЪ.

Эхъ, Лезбія! не осуждай богатства,
 И не тебѣ богатство осуждать!

ЛЕЗБІЯ (всторону).

Онъ о моемъ далекомъ женихѣ
 Припомнилъ, онъ меня любить не можетъ,
 И никогда меня любить не станетъ!
 Я подросла, а между тѣмъ плѣнила

Его иная въ мірѣ красота!
 Я слышала сквозь вѣтви, за стѣной,
 Какъ повара съ рабами толковали
 Объ ужинѣ... Онъ ждетъ къ себѣ кого-то,
 Онъ ждетъ, лукавецъ, ждетъ — и я не знаю!

КАТУЛЛЬ.

Ну, что-же ты нахохлилась, мой милый
 Воробушекъ? Садись ко мнѣ поближе,
 И повтори вчерашнія слова:
 «Когда бы самъ Юпитеръ предложилъ
 Мнѣ золото Данаи за мгновенье
 Моей любви, за пару поцѣлуевъ —
 Я отказала-бъ смѣло громовержцу!»
 Я слышалъ все, меня ты не обманешь —
 Агенобарбъ-Пандора громовержецъ?..

ЛЕЗБИЯ (вспыхнувъ).

Пандора?

КАТУЛЛЬ (всторону).

Милое созданье неба!
 Какъ въ ней певинность пылко негодуешь!

ЛЕЗБИЯ.

Пандора!.. Этотъ лысый... этотъ страшный...
 Толстякъ... багровый... съ рыбьими глазами
 И съ грушей вмѣсто носу... объѣдало...
 Хорошъ!.. Красавецъ!..

КАТУЛЛЬ.

И, прибавь, вдовецъ,
 Питающій надежды вновь жениться!

ЛЕЗБИЯ.

А, ты смѣешься! погоди жъ, Катулль!
 Скажи мнѣ лучше, скоро-ль я увижу
 Твою любовь, твою, Катулль, невѣсту?
 Ты ждешь ее, вчера ты толковалъ
 О ней въ саду съ пріятелемъ! Я помню,
 Корнелій Непотъ весь дрожалъ, внимая,
 Какъ ты ее стихомъ живописалъ!

КАТУЛЛЪ (всторону).

Ревнивица! Вотъ прямо въ цѣль попала —
Я говорилъ о беотійской Сафо!

ЛЕЗБИЯ.

Такъ ты молчишь, смѣшался; ты не даромъ
Готовилъ ужинъ нынче?.. Ну, женись;
Бери ее, красавицу-невѣсту,
Она желта, какъ старый померанецъ,
Желта, навѣрно, и въ гвоздичномъ маслѣ
Купается... Влюбиться въ померанецъ!
Завидный вкусъ! Торговка!

КАТУЛЛЪ.

Успокойся!

ЛЕЗБИЯ.

У Лезбiи отыщется поклонникъ!

КАТУЛЛЪ.

Ужъ не Пандора-ль?

ЛЕЗБИЯ.

Да, Катуллъ, Пандора!

Я отъ тебя скрывалась, но теперь
Ты долженъ знать: я влюблена въ Пандору!

КАТУЛЛЪ.

Ты влюблена въ Пандору?

ЛЕЗБИЯ.

Влюблена!

КАТУЛЛЪ.

О, времена! о, жалкій вѣкъ! о, нравы! —
Какъ говоритъ великій Цицеронъ...

ЛЕЗБИЯ.

Я нынче не приду къ тебѣ на ужинъ!

КАТУЛЛЪ.

И кстати: ужинъ нынче холостой,
А на пирушкѣ вольной не годится
Дѣвицѣ быть — какъ разъ сорвется слово

Такое, отъ котораго завянуть
И не твои дѣвическія уши!

ЛЕЗБІЯ (*про себя*).

Онъ удалить меня отсюда хочетъ...
Постой-же, притворюсь, что ѣду въ Римъ,
И посмотрю, кто сядетъ съ нимъ за ужинъ!
О, боги, боги! — Сердце замираетъ!

(*Вслухъ*).

Я ѣду въ Римъ, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ (*не слушая ее*).

Однако, странно,
Гостей моихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

ЛЕЗБІЯ.

Катуллъ,

Я ѣду въ Римъ! Ты слышишь?

КАТУЛЛЪ.

Поѣзжай!

ЛЕЗБІЯ.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандоръ...

КАТУЛЛЪ

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандоръ!

ЛЕЗБІЯ.

Прощай, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Прощай, прощай, мой другъ!
Не забудь одѣться понаряднѣй!

ЛЕЗБІЯ.

Не смѣйся, я съ тобою не шучу, —
Я навсегда съ тобою расстаюся!

КАТУЛЛЪ.

Да... на всегда!

ЛЕЗБІЯ (*возвращаясь, сквозь слезы*).

Смотри жь потомъ не плачь,

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Не буду плакать!

ЛЕЗБІЯ (*всторону*).

Погоди-же!

Влюбиться въ померанецъ! Сумасшедшій!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

КАТУЛЛЪ и вскорѣ АГЕНОБАРЪ-ПАНОРА, ЛИЗИППЪ и СКАВРЪ.

КАТУЛЛЪ.

Прелестная, капризная шалунья!

Отправится къ какой-нибудь подругѣ,

Въ уютной домикъ, надъ живымъ ручьемъ,

Межъ кипарисовъ, розъ и гіацинтовъ,

Потолковать о грезахъ, о любви...

А дуетъ губки! Всѣ вы таковы

Наслѣдницы лукавыя Венеры!

Капризы ваши — пропасть безъ конца,

Прикрытая душистыми цвѣтами!

И не всегда мы счастливо обходимъ

На жизненной дорогѣ эту пропасть!

(*Всходитъ на скалу*).

Однако гости наши запоздали!

Совсѣмъ ужъ вечеръ... Падаютъ роса!

(*Между деревьевъ показывается Пандора*).

Да вотъ и гость... Нѣтъ, это не изъ нашей

Семьи!.. Кто-бъ это былъ? — Пандора! боги!

ПАНОРА (*не видя его*).

Лазутчики мнѣ донесли, что здѣсь

Скрывается питомица Катулла.

КАТУЛЛЪ.

Пронюхалъ волкъ, куда загнали стадо!

ПАНДОРА.

Лѣсная незабудка и репейникъ,
Какой противный красотѣ союзъ!

КАТУЛЛЪ.

А самъ красавецъ! Нечего сказать!

ПАНДОРА.

Опъ, говорить, недурно пишеть! Впрочемъ,
Кто нынче занять этой болтовней...
Я, напримѣръ, по-гречески читаю,
Но я читаю съ цѣлью, для того,
Чтобъ не забыть по-гречески, — а нашихъ
Всегда я плохо какъ-то разбираю:
Начнешь читать — все острые намеки
На злыхъ людей — совѣмъ рябитъ въ глазахъ!
(*Встрѣчается съ Катуллою*).

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Пандора!

ПАНДОРА.

Вотъ некстати встрѣча!

КАТУЛЛЪ.

Что привело тебя въ мое жилище?

ПАНДОРА.

Я — мнѣ хотѣлось — ты не думай впрочемъ...

РАБЪ (*съ двумя другими рабами не-
сетъ цветы и вина*).

Несутъ цветы!

ПАНДОРА (*спохватившись*).

Я... слышалъ запахъ рыбы
И захотѣлъ — рѣшился попросить
Любезнаго поэта, познакомить
Меня съ его бесѣдой и столомъ.

(*Про себя*).

Недурно сказано! Нашелся славно!

КАТУЛЛЪ.

Что-жь, просимъ милости!

ПАЧДОРА.

Но ты, Катуллъ,
Не разсердись за эту откровенность!

КАТУЛЛЪ.

О, ничего! Вѣдь это нынче въ модѣ!
Нѣтъ недостатка въ дорогихъ гостяхъ —
Зовешь двоихъ, а шестерыхъ встрѣчаешь;
Всякъ за собой ведетъ на званый пиръ
Еще друзей своихъ; друзья спокойно.
Ведутъ своихъ знакомыхъ и родныхъ...
Не все-ль равно, ты прощенъ, или непрошенъ?

ПАНДОРА.

Благодарю достойнаго поэта!

(Про себя).

Вотъ и успѣхъ! Я Лезбію увижу
И вдоволь съ ней теперь наговорюсь!

КАТУЛЛЪ *(Про себя).*

Сегодня я кормлю его охотно,
А завтра онъ накормитъ ли Катулла?
Э, будь, что будетъ!

РАБЪ *(стоя на скаль).*

Гости на дорогѣ.

КАТУЛЛЪ.

И Скавръ, и тотъ пріѣхавшій купецъ?

РАБЪ.

Они.

КАТУЛЛЪ.

Добро пожаловать, друзья.

(Входятъ Лизиппъ и Скавръ).

Привѣтъ вамъ, гости добрые. Пандора,
Позволь тебѣ представить двухъ достойныхъ
Поклошниковъ добра и красоты!

Лизиппъ — купецъ изъ дальней Арголиды,
 На кораблѣ приплывшій въ гости къ намъ,
 Чтобъ сбыть у насъ непроданный товаръ
 И увидеть —

ЛИЗИППЪ (*перебивая его*).

И поклониться славѣ
 Того, чей даръ второе наше солнце,
 Того, кого Катуллою мы зовемъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты слишкомъ добръ! — Второй, его ты знаешь, —
 Тиберій Скавръ — почтенный торговецъ
 Изъ Рима.

ПАНДОРА.

Да, тебя я точно знаю —
 Миѣ каждый день приносятъ отъ тебя
 Баранину, индѣекъ и колбасы!

СКАВРЪ.

Здоровье твоему желудку, добрый
 Старикъ! —

ПАНДОРА.

Старикъ? — Какая злая шутка!

КАТУЛЛЪ.

Садитесь, гости, и да лютуютъ шумно
 Веселые за пиромъ разговоры,
 Какъ будемъ лить мы сладкое вино! —

(*Садятся за столъ. — Рабы прислуживаютъ*).

Вотъ устрицы — вотъ рыба — вотъ похлебка
 Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ!
 Берите, не скупитесь. — Ты же, мальчикъ,
 Намъ наливай фалернскаго, — сто лѣтъ,
 Прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣды нашихъ дѣдовъ
 Его въ садахъ по бочкахъ разливали!

ЛИЗИППЪ.

Похлебка — прелестъ, устрицы, какъ мысли
 Твоихъ созданий, такъ и лютуютъ въ душу.

ПАНДОРА (*про себя*).

Капунъ недурень, видно повара
Стащили у меня!

СКАВРЪ.

Ты всюду геній,
Катуллъ, въ стихахъ и въ кухонномъ искусствѣ!

КАТУЛЛЪ.

Берите, пейте, смѣйтесь, веселитесь,
Отъ счастья готовъ я опьянѣть.
Эй, рабъ! — Обрызгать насъ отваромъ листьевъ
Фіалокъ, мяты и душистыхъ лавровъ,
Чтобъ возбуждать въ насъ аппетитъ и бодрость;
Саудалин съ усталыхъ снять, и руки
Подать умыть намъ розовой воды!

(Рабы исполняютъ его приказанія.)

СКАВРЪ.

И такъ, Лизиппъ, чѣмъ Греція красивѣй
И лучше Рима? — Ты не досказалъ.

ЛИЗИППЪ.

У Греціи плѣнительное небо,
Вся Греція сады и острова.

СКАВРЪ.

У Рима также небо голубое,
Роскошное, и вся страна — что садъ,
Въ которомъ нѣтъ безплоднаго кусточка!

ЛИЗИППЪ.

У Греціи, какъ у вакханки чудной,
Нѣтъ грустныхъ дней, нѣтъ слезъ — она въ цвѣтахъ,
Въ сверкающемъ вѣнкѣ изъ винограда,
Поетъ, кружится, словно рѣзвый мальчикъ,
За новостью гоняется, и новость
Становится у вѣтренной законъ;

Что на умѣ у ней, то и на дѣлѣ;
 Болтливая въ наряды влюблена,
 И, скрытность презирая, щеголяетъ
 Своей живой, порхающею рѣчью!

СКАВРЪ.

Да, ваша рѣчь въ пословицу вошла!

КАТУЛЛЪ (задумчиво).

Хорошъ и нашъ гигантъ — суровый Римъ!
 Мечъ при бедрѣ, въ рукѣ копье и знамя,
 Побѣднымъ осѣненное орломъ,
 Орломъ того, кто царства и народы,
 Какъ свѣтлые, роскошные ручьи,
 Въ родимомъ морѣ слилъ на диво свѣта!
 Онъ гордо имъ надъ міромъ потрясаетъ,
 Врагамъ и злу открыто смотритъ въ очи;
 У ногъ его дробятся съ воплемъ волны
 Народныхъ смуть — онъ крѣпко держитъ руль!
 Весь изъ жѣлѣза, весь законъ и правда,
 Вознесся онъ въ суровой красотѣ,
 И полные любви къ отчизнѣ очи
 Возводитъ смѣло къ вѣчнымъ небесамъ,
 Гдѣ видятъ міръ высокаго искусства,
 Нехуже васъ, идя на бой съ врагами
 Исторію побѣдъ народныхъ пишетъ,
 Иодъ тучей стрѣлъ, а чистой красотѣ
 И вдохновеннымъ геніямъ внимая,
 Получше васъ еще достойный трудъ
 Своихъ родныхъ талантовъ награждаетъ!

ЛИЗИППЪ.

Но красота гречанокъ... наши дѣвы...

КАТУЛЛЪ.

Пустое... Римлянки не вамъ чета!
 Гречанки страстны, пылки, легковѣрны,
 У грековъ есть продажныя Елены...
 У римлянъ — римляне, сосѣдъ, не греки!

Въ обдуманной, холодной красотѣ,
 Разумныя и гордыя, какъ слава
 Оружія безстрашныхъ ихъ сыновъ,
 Онѣ своей любви огонь и ласки
 Однимъ мужьямъ на радость берегутъ!
 И дикая афинская плясунья,
 Подъ кровлею священнаго угла
 Супруги римской, недостойна ленты
 Саудалии покорно развязать
 На той, кто намъ кормилица и мать!

ЛИЗИППЪ.

Ну, это, другъ, ужъ много!

КАТУЛЛЪ.

Нѣтъ, не много!

ЛИЗИППЪ.

Исторія...

КАТУЛЛЪ.

Исторія нехуже
 Красавицъ вашихъ, некраснѣя, лжетъ!

СКАВРЪ.

Чѣмъ спорить намъ, не лучше ли, друзья...

ПАНДОРА (*утирая ротъ*).

По моему, ни Греція, ни Римъ
 Не лучше: лучше ихъ обоихъ этотъ
 Зажаренный съ орѣхами каплунъ!

СКАВРЪ.

Вотъ славно сказано — здоровье гостя!

ЛИЗИППЪ.

Да здравствуетъ находчивый Пандора!

ПАНДОРА.

Благодарю, я правъ, я это знаю.

КАТУЛЛЪ.

Въ исходѣ пиръ, а хмѣль еще далеко
 Цвѣтами нашихъ мыслей не убралъ.
 Какъ строй Спартанцевъ трезвыхъ, наши чаши
 Фалангою незыблемой стоятъ
 И со стола веселья не скатились!
 Эй, рабъ, вели къ столу моихъ пѣвицъ!

(Рабъ уходитъ.)

Я не хочу васъ плясками дарить,
 Мессинская вакханка не предстанетъ,
 Танцую изступленную осу...
 Мы будемъ слушать пѣсни Ювенала
 И старика Гомера сладкій гимнъ!

(Входятъ пѣвицы.)

КАТУЛЛЪ.

Ну, стройте лиры, и скорѣй за пѣсни!
 Да что-нибудь попроще, понѣжнѣе —
 Гармонія не терпитъ дикихъ звуковъ!

(Пѣвицы берутся за лиры.)

Нѣтъ, погодите, я вамъ заплатилъ,
 Такъ ужъ вполнѣ хозяинъ буду съ вами.
 Я васъ поставлю въ группы — у террасы
 И по скаламъ — вотъ такъ, чтобъ зрѣнье слуху
 Завидодать не стало у гостей.

(Устанавливаетъ ихъ группами.)

Кто между вами запѣвало?

ОДНА ИЗЪ ПѢВИЦЪ.

Я.

КАТУЛЛЪ.

Ну, для тебя не мѣсто между хора —
 Здѣсь становись и начинай смѣлѣй.

ПѢВИЦА *(поетъ)*.

Какъ рыбка надъ сонной рѣкой,

Серебристой сверкнувъ чешуей,
Пропадаетъ,
И тихо, подъ сѣнью вѣтвей,
Волна, востепенувшись надъ ней,
Пробѣгаетъ —
Въ моихъ омраченныхъ мечтахъ,
Тѣнь подруги въ лучахъ и цвѣтахъ
Выступаетъ
И долго, любовью дыша,
Моя молодая душа
Замираетъ! —

СКАВРЪ (*въ восторгъ*).

Прекрасно!

КАТУЛЛЪ.

Имя какъ твое, пѣвица?

ПѢВИЦА.

Симфонія!

КАТУЛЛЪ.

Всѣ кубки отъ стола
Дарю тебѣ, Симфонія, за пѣсню!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбія все нѣтъ, какъ нѣтъ межъ нами!

КАТУЛЛЪ.

Еще одну, еще такую жъ пѣсню —
Въ груди щемить, какъ-будто жало змѣя
Вползло туда съ предчувствіемъ печальнымъ!
О счастья влюбленныхъ намъ пропой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢЖЕ и ЛЕЗБІЯ.

ЛЕЗБІЯ (*пробираясь между пѣвицъ,
подъ покрываломъ*).

Я проношу тебѣ такую пѣсню!

Изящная Словесность.

КАТУЛЛЪ.

Кто ты, зачѣмъ лицо твое закрыто?

ЛЕЗБИЯ.

Я бѣдная пѣвица изъ Тарента,
 Прошу на хлѣбъ для бѣднаго отца
 И не хочу, чтобъ люди находили
 Мой голосъ хуже моего лица!

КАТУЛЛЪ.

Какъ странно... голосъ будто мнѣ знакомый!
 Изволь, пропой намъ — я тебѣ плачу!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбии все нѣтъ!

ЛЕЗБИЯ.

Стихи Катулла!

Хоръ, повторяй за мною... Я пою!

ПѢВИЦА (*поетъ*).

Не срывай цвѣтовъ весны,
 На цвѣтахъ роятся осы;
 Не влюбляйся отъ жены —
 Злѣе ось у женъ вопросы!
 Ты въ цвѣты зимы взглядишь,
 Ихъ дыханьемъ упивайся —
 И, влюбляясь, не женись,
 И... женившись, не влюбляйся

СКАВРЪ (*съ кубкомъ*).

Да здравствуетъ прелестная пѣвица!

КАТУЛЛЪ.

О, пѣсни, пѣсни, какъ вы тяжки сердцу!

ПАНДОРА (*разспянно*).

Скажи, Катуллъ, гдѣ Лезбія твоя?

КАТУЛЛЪ (*не слушая его*).

Бываетъ время, пѣсня льется въ душу,
 Какъ вѣянье весны благоуханной;
 А иногда, не знаешь, какъ убить

Тоски, въ душѣ напѣвомъ пробужденной!

ПАНДОРА (*перебивая его*).

Да гдѣ жъ твоя питомица, Катуллъ?

КАТУЛЛЪ (*вспыхнувъ*).

Питомица?.. Тебѣ какое дѣло?

ПАНДОРА (*всторону*).

Ай, ай! попался!

КАТУЛЛЪ.

Ты затѣялъ шашни,
Ты не ко мнѣ, ты къ Лезбіи пришелъ?

ЛЕЗБИЯ (*всторону*).

Уйти скорѣй, пока огонь остынетъ,
А то еще сорветъ онъ покрывало!

(*Уходитъ. — За нею удаляются пльвицы*).

ПАНДОРА.

Я пошутилъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты пошутилъ? — Слѣпой же
Ты кротъ, когда со мною споръ затѣялъ!

ПАНДОРА.

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Пять тысячъ безпощадныхъ словъ,
Пять тысячъ сатирическихъ стиховъ
Готовься встрѣтить, иль во всемъ сознайся!

ПАНДОРА.

Потише! (*Всторону*). Боги! онъ меня погубитъ!
На ближней виллѣ... (*Вслухъ*). Берегись, Катуллъ,
На ближней виллѣ, съ римскими друзьями,
Пируетъ въ виноградникѣ диктаторъ!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ жаль тебя! Нѣтъ у тебя ни вѣрныхъ
Рабовъ, ни любящей подруги; войлокъ

У входа въ дверь Катулла чистоплотнѣй
 Твоей кровати; мухи и сверчки
 Во снѣ танцуютъ по твоимъ губамъ;
 Твои пріятели отъ злости сохнутъ
 И отъ боговъ надѣлены такими
 Зубами, что булыжникъ римскихъ стѣнъ
 Имъ ни почемъ и мягче старой груши!

ПАНДОРА.

Катуллъ... чужіе!..

КАТУЛЪ.

Ничего, Пандора!

Скажи мнѣ лучше, какъ твой аппетитъ
 Такъ надъ тобой беретъ порою силу,
 Что, запершись въ своемъ дому, на волѣ
 Для всѣхъ незримой яствой объѣдаясь,
 Ты ставишь сзади вѣрнаго раба,
 Чтобъ онъ тебя удерживалъ отъ лишней
 Охоты — черезъ мѣру закусить
 И лопнуть надъ неконченной похлебкой!

(Пандора хочетъ говорить).

Скажи мнѣ лучше, какъ ты воровалъ,
 Въ былые дни, скитаяся въ лохмотьяхъ,
 У Ювенала на пиру салфетки
 И золотыя ложки клалъ въ карманъ?

ЛИЗИППЪ.

Не можетъ быть!

СКАВРЪ.

Катуллъ, навѣрно, шутитъ!

ПАНДОРА.

Конечно шутитъ, этакой проказникъ!

КАТУЛЛЪ.

Такъ ежели пошло уже на то...

(Останавливаются).

Во имя шутки, наполняйте ваши
 Забытыя, покинутыя чаши!

СКАВРЪ. (съ чашею).

Да здравствуетъ достойный нашъ хозяинъ!

ЛИЗИППЪ. (Поднимая чашу)..

Здоровье музъ, во славу красоты!

Да здравствуютъ Анакреонъ и Пиндаръ,

Да здравствуютъ Virgilій и Гомеръ!

СКАВРЪ.

Да здравствуетъ священный, мирный трудъ,

Подъ маслиной, за сладкою амфорой!

ПАНДОРА (про себл).

Давай-ка предложу я вышить въ честь

Диктатора — онъ за стѣной сосѣдней

И рѣчь мою услышитъ... Пригодится!

(Вслухъ).

Вы знаете, я главный казначей,

Храню казну диктатора...

СКАВРЪ (всторону).

Хранишь-ли?

Не то я слышалъ о тебѣ въ народѣ!

ПАНДОРА.

Меня диктаторъ другомъ называетъ,

Меня диктаторъ любить, награждаетъ!

(Поднимаетъ чашу).

Да здравствуетъ властительный диктаторъ!

(Никто не отвѣчаетъ).

КАТУЛЛЪ.

Ты промахнулся... Не ходи, козель,

Въ чужіе огороды — ошибешься!

Катуллъ тебя къ себѣ не приглашалъ,

Ты самъ къ нему безъ совѣсти назвался,

Такъ не пеняй же, если мы тебѣ

За мирною бесѣдой не внимаемъ,

И за тобой не поднимаемъ кубка

Во славу славы римскаго народа!

Не изъ твоихъ нечистыхъ устъ подобнымъ

Рѣчамъ на ширѣ нашемъ раздаваться!

ПАНДОРА (*вспыхнувъ*)

Ты дерзкій злязычникъ!

(*Про себя*).

Погоди же,

Я отплачу за Лезбію тебѣ!

КАТУЛЛЬ.

Вѣнки, друзья, на голову, вѣнки!

Шумѣть давайте с орить, веселиться!

Я у себя вамъ не позволю пить

Изъ-подътишка цикуты ядовитой,

Чтобъ смерти страхъ васъ больше заставлялъ

Въ послѣдній разъ на свѣтѣ напиваться!

Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не мѣсто этой модѣ —

Мы будемъ пить за славу музъ и грацій,

И нашихъ чашъ пустыми не уронимъ!

Сюда, мои прелестныя пѣвицы,

Опять за пѣсни, пѣсни и любовь!

(*Лезбія и пѣвицы*).

ПАНДОРА (*вставая*).

Такъ ты не хочешь слушаться Пандоры,

Ты за диктатора не хочешь пить?

Терпи же самъ, а мнѣ позволь отъ сердца

Благодарить тебя за вкусный ужинъ,

За кушанья твои, вино и соль,

Которой ты свои усыпалъ блюда!

Ты накормилъ меня, Катулль, отлично,

Я сытъ по горло, сытъ и принесу

Тебѣ за все отъ сердца благодарность;

Я не замедлю съ дорогимъ отвѣтомъ!

Расправятся съ тобою, сорваецъ...

Къ диктатору, къ диктатору съ доносомъ,

И посмотрю я, какъ запляшешь ты

Передъ его корающимъ декретомъ!

КАТУЛЛЬ.

Пандора!

ПАНДОРА (*съ улыбкой*).

И потому одинъ за всѣхъ отвѣтишь!
 Законъ гласить: кто оскорбитъ хоть мыслью
 Диктатора — повиненъ грозной казни!
 Прощай, Катуллъ, благодарю за ужинъ!

(Уходитъ).

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ.

Катуллъ! что сдѣлалъ ты?

ЛЕЗБИЯ (всторону).

О боги, боги!

Его казнить диктаторъ безпощадный!

КАТУЛЛЪ.

(Беретъ чашу).

Да здравствуетъ гармонія вселенной,
 Гармонія природы и людей,
 Гармонія богатства и талантовъ!
 Чтобъ гордый Римъ, чтобъ всепобѣдный Римъ,
 Подъ маніемъ волшебнаго жезла,
 Какъ музыка торжественнаго гимна,
 Какъ за душу хватающая пѣснь,
 Явился въ блескѣ силъ и дивной славы,
 Въ святыхъ лучахъ зиждительной державы,
 Явился намъ въ могучей красотѣ...
 Да здравствуетъ гармонія вселенной,
 Да здравствуетъ вселенной красота.

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ (поднимая чашу).

Да здравствуютъ гармонія и слава!

КАТУЛЛЪ.

Красавицы — за лиры! Дайте мнѣ
 Безумною душою позабыться!
 Забыть весь міръ, забыть враговъ и слезы,
 Готовыя изъ груди полной хлынуть!

ЛЕЗБИЯ (опуская покрывало).

И Лезбію ты хочешь позабыть?

КАТУЛЛЪ.

Какъ? это ты — ты мнѣ такъ иѣжно пѣла?

Ты, мой цвѣтокъ, моя живая радость,
Ты пѣла мнѣ....

ЛЕЗБІЯ.

Да, это пѣла я!

КАТУЛЛЪ.

Притворщица! Да развѣ могъ тебя я
Въ безумствѣ непростительномъ забыть,
Отдать твою привязанность и дружбу
За чью-нибудь мнѣ чуждую любовь?

ЛЕЗБІЯ.

За померанецъ, — помнишь, померанецъ?...

КАТУЛЛЪ.

Вотъ кубокъ, пей за славу нашей славы!

(Всѣ наливаютъ чаши. — Слышны рога).

ЛЕЗБІЯ.

Катуллъ, о боги! — Это часъ послѣдній
Тебѣ трубятъ! —

КАТУЛЛЪ *(роняетъ чашу)*.

Ужели? Быть-не можетъ!

(Входитъ Пандора. — За нимъ толпа ликторовъ).

ПАНДОРА *(со свиткомъ въ рукѣ)*.

Декретъ Катуллу.

СКАВРЪ *(кидаясь къ нему)*.

Негодяй!

ПАНДОРА *(торжественно)*.

Диктаторъ

Изволитъ въ немъ съ Катуллою говорить!

(Всѣ преклоняютъ головы).

КАТУЛЛЪ *(принимая свитокъ)*.

Что жъ въ немъ Катуллу говоритъ диктаторъ?

ПАНДОРА *(насмѣливо)*.

А какъ тебѣ сказать, не знаю право:

Должно-быть въ немъ о смерти говорятся!

КАТУЛЛЪ.

О смерти?

ЛЕЗБІЯ.

Боги!

СКАВРЪ (съ угрозою).

Лжешь ты, негодяй!

ПАНДОРА.

Не горячитесь! Онъ меня дослушалъ
И говоритъ: садись, вотъ тутъ, Пандора,
Садись!—Онъ такъ всегда мнѣ говоритъ.
Велѣлъ подать пергаменту и спицу,
Махнулъ рукой, склонился головой,
Потомъ взглянулъ, сурово сдвинулъ брови—
И сталъ писать!—Ошъ, сколько мнѣ извѣстно,
Всегда такъ пишетъ грозныя посланья!

КАТУЛЛЪ.

За что же смерть? Ужель святая правда
Оставила тебя, бессмертный Римъ?...
Прощайте, гости! Пиръ еще неоконченъ,
Такъ допивайте чаши безъ меня—
А я пойду—пойду туда, повыше!
Ты, Лезбія....

ЛЕЗБІЯ.

О, боги! боги!

КАТУЛЛЪ (сквозь слезы.)

Слезы,

Мои мечты, мои надежды, грезы
Всѣ до одной тебѣ я завѣщаю!
Не раздавай моихъ произведеній,
Пускай они со мною отлетятъ....
Какъ Индіи печальная вдовица,
Сложи ихъ всѣ въ костеръ и надо мной
Сожги его безцѣнною рукой!

ПАНДОРА (съ досадою).

Катуллъ!

ЛЕЗБИЯ.

Прощай!

КАТУЛЛЬ.

Прощай, моя сиротка,
Ты никогда меня не позабудешь?..

ПАНДОРА (*выходя изъ себя*).

Какая дерзость! Слышишь-ли, Катуллъ,
Дикаторъ ждетъ....

КАТУЛЛЬ.

Умилосердись, небо!..

Друзья, прощайте! Оба вы—поэты,
Я это знаю—вамъ передаю
Поэзию чарующей арены!
Любите жизнь, отчизну и людей,
Не продавайте дѣвственной работы
За золото, художеству служите,
Какъ честный рабъ, какъ вдохновенный жрецъ —
И для минуты счастья не бросайте
На смѣхъ толпы поруганнаго сердца!

ПАНДОРА (*обнажая мечъ*).

Катуллъ!

КАТУЛЛЬ.

Иду, готовъ свою сѣкиру!

ЛЕЗБИЯ. (*падая на руки пѣвицъ*).

Прощай, мое единственное счастье!

КАТУЛЛЬ.

(*Обращаясь къ Риму, который тонетъ въ сумракъ наступающей ночи*).

Прощай и ты, бессмертный, вѣчный городъ!
Тебѣ, какъ сынъ, я праведно служилъ!
Какъ пахарь, я прошелся съ тяжкимъ плугомъ,
Ораломъ добродѣтели священной
Избороздилъ покинутыя нивы
Твоей души и бросилъ въ эту землю

Великихъ дѣлъ святыя сѣмена!
 Произрастай же, молодое племя
 Гражданскихъ доблестей, да придетъ время,
 Когда въ твою плѣнительную сѣнь,
 Слетитъ моя тоскующая тѣнь
 И никому незримая, заплачетъ!
 Высоко поднимай свои столпы,
 Среди слѣпой и вѣтренной толпы,
 Бичуй порокъ, терзай безъ сожалѣнья
 Противниковъ народной славы гидру;
 На пеплѣ смуть, волненій и тревогъ,
 Да возрастетъ роскошный виноградникъ,
 Всѣхъ доблестей и счастья разсадникъ,
 Да укрѣпится гордо правота,
 Одѣнется на праздникъ красота
 И пѣснь любви и мира смѣнитъ слезы!

ПАНДОРА (*въ бѣшенствѣ*).

Катуллъ! Я лекторамъ велю связать
 Тебя — читай!

КАТУЛЛЪ.

О, добрый другъ, читаю,
 Ты видишь: я гонителей прощаю!

(*Читаетъ декретъ*).

Что-жь это? (*Протираетъ глаза*).

Ха, ха, ха! Вотъ это мило!

ПАНДОРА.

Ты шутишь? наглость эта не умѣста!

КАТУЛЛЪ.

Да какъ-же мнѣ, Пандора, не смѣяться?

ЛЕЗБИЯ (*рыдая*).

Безжалостный, не рви такъ больно сердца!

КАТУЛЛЪ.

Послушайте!

ПАНДОРА.

Читай!

КАТУЛЛЪ.

Поближе станьте,
Вотъ такъ, въ кружокъ!

«Посланіе Катуллу.»

(Читаетъ).

«Привѣтъ тебѣ, Катуллъ!
Въ моемъ пиру веселомъ
Тебя лишь одного
Не доставало нынче!
Ты отказался пить
Въ своемъ дому за друга —
Надѣюсь, у меня
Ты будешь пить охотно!
Пандору, я тебѣ
Во власть представляю...
Такихъ, какъ онъ, немало,
Катуллъ у насъ одинъ!»

— «Не взыщи за бѣдную импровизацію, бери всѣхъ своихъ друзей и приходи ко мнѣ, подъ сводъ душистыхъ лавровъ, окончить сладкій вечеръ, съ твоимъ защитникомъ и поклонникомъ. *Диктаторъ Юлій.*»

ПАНДОРА.

Что-жь это значить?

КАТУЛЛЪ.

Я глазамъ не вѣрю!

НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРОВЪ (отдѣляясь отъ стражи).

А это значить то, что ты немного
Съ своимъ доносомъ опоздалъ! Пока
Ты съ нимъ спѣшилъ, другой доносъ почище
Диктаторъ о тебѣ изъ Рима принялъ!
Ты, говорятъ, съ его казной дѣлился...

ПАНДОРА *(падая на колъни)*.

Катуль, прости, не погуби меня!

КАТУЛЛЪ.

Не погубить? Теперь ты спохватился?..

(Обращается къ окружающимъ).

Друзья, пойдѣмъ, диктаторъ насъ изволитъ

Къ себѣ на пиръ высокій приглашать.

ПАНДОРА *(на колъняхъ)*.

Не позабудь меня, Катуль, на пирѣ —

Ты съ этихъ поръ великій человѣкъ!

Припомни обо мнѣ въ твоемъ величьи —

Ты по пути блистательномъ идешь!

КАТУЛЛЪ.

Да, я иду петакъ, какъ ты, Пандора,

Не трепещу, не потупляя взора —

И клевета за мною не ползетъ!

ПАНДОРА *(простирая руки)*.

Катуль, я знаю, ты врагамъ прощаешь,

Ты отъ рожденья милосердъ и добръ —

Кормилица твоя мнѣ говорила!

КАТУЛЛЪ *(съ улыбкой)*.

Кормилица? — Пусть такъ! — Тебя диктаторъ

Во власть мнѣ отдалъ — онъ тебя проститъ!

Но ты за это у меня попляшешь...

Эй, слуги вѣрные, сюда, скорѣе!

(Рабы и повара окружаютъ его).

Клянусь вотъ этой лысиной, *(опускаетъ руку на голову
Пандоры)*

За службу

Я отдаю вамъ этого проныру!

Онъ угоститъ васъ долженъ всѣмъ на свѣтѣ —

Всѣмъ, чѣмъ богатъ его роскошный домъ!

Пять сутокъ отъ него не уходите,

Очистите карманъ и погреба —

И на привольи пышномъ поживите!

ЛЕЗБІЯ (*проходя мимо Пандоры, на-
спльшмво*).

Прощай, Пандора!

ПАНДОРА (*качая головою*).

Лезбія!..

КАТУЛЛЪ.

Подумай

О предстоящемъ пирѣ и расходахъ —
Недешево тебѣ опъ обойдется!

(Окружающимъ).

А мы, друзья, пойдемъ по приглашенью!
Теперь свою приподниму я лиру,
Теперь коснусь я струнъ живыхъ, и міру
Въ священномъ вдохновеньи пропою
Открыто пѣснь завѣтную свою!

Друзья! Отъ сердца мы теперь воскликнемъ:
Да здравствуетъ нашъ Цезарь слава Рима! —

*(Удаляется. Пандора на колѣняхъ, съ поникшей голо-
вой. Слуги и повара Катулла его окружаютъ).*